Рубеж атаки

Автор:
Макс Глебов

Рубеж атаки

Макс Алексеевич Глебов

Бригадный генерал #3

Во время глубокого рейда в тыл кваргов Игорь Лавров делает сразу два неприятных открытия.

Первое – уже через полгода землянам предстоит отражать атаки десятков кораблей класса «Титан». А это значит, что противник сможет подавить оборону любой из звездных систем, подконтрольных человечеству…

Второе – война с кваргами перешла в умеренную фазу не потому, что противник ослаб. А потому, что он сражается на два фронта. Где-то в глубинах космоса кваргам противостоит сила, способная уничтожать боевые крейсеры мощным оружием, прожигающим броню насквозь. И все же Лавров чувствует, что даже такой сильный потенциальный союзник землян в войне с кваргами терпит поражение.

А значит, совсем скоро Земной Федерации предстоит отражать особенно массированную атаку заклятого врага. Хватит ли у человечества времени на подготовку к решающему сражению?

Макс Глебов

Рубеж атаки

Серийное оформление – Василий Половцев

Иллюстрация на обложке – Игорь Соловьев

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Цикл «Бригадный генерал»

© М. Глебов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Я вошел в командный пост среднего разведчика, специально модернизированного нами для глубокого рейда в тыл противника. Командир корабля, китаец Юн Гао, стоял перед главным проекционным экраном, на котором медленно вращалось объемное изображение огромного пустотного дока. Размеры сооружения впечатляли. Сквозь внешние конструкции просматривался остов корабля с легко узнаваемыми очертаниями корпуса, которые выдавали в строящемся гиганте брата-близнеца сверхтяжелого линкора «Титан», захваченного нами в системе звезды Барнарда.

Юн Гао задумчиво рассматривал снимок, доставленный беспилотным зондом с орбиты газового гиганта в очередной посещенной нами звездной системе кваргов.

– А ведь это уже девятый такой док, – произнес командир корабля. Капитану второго ранга уже вроде как и не по званию было командовать средним разведчиком, перерос он его, но к моей просьбе принять участие в рейде Юн Гао прислушался. – Судя по стадиям готовности тех линкоров, что мы уже видели, их все заложили примерно в одно время. Я не знаю, сколько кварги еще будут их достраивать, но, боюсь, через несколько месяцев, максимум через полгода, наш флот столкнется с очень серьезной проблемой, и это с учетом того, что мы наверняка не все еще видели.

– Того, что мы уже нашли, более чем достаточно, – невесело ответил я. – У меня нет уверенности, что даже с этими кораблями весь наш объединенный флот справится в лобовом столкновении. Нам пора возвращаться, Юн, рисковать больше нельзя. Информацию нужно как можно быстрее доставить на Землю.

– Я не уверен, что это правильно, хотя, возможно, ты и прав, – с сомнением покачал головой командир корабля. – Но разведка еще не закончена. Добытые нами данные важны, но их нельзя назвать полными. Придется снова лететь сюда, таких доков может оказаться еще несколько штук… или несколько десятков. Требуется более глубокий рейд, причем одновременно по нескольким направлениям.

– Такой корабль у нас пока только один, – напомнил я разведчику. – Могу предложить тебе возглавить следующую вылазку. А мне нужно в столицу. Мои обязанности главы комиссии минобороны по новой технике и вооружениям с меня никто не снимал, а в свете увиденного у меня появилось много новой работы, не терпящей отлагательства.

* * *

Сама возможность отправиться в глубокий разведывательный рейд по тылам противника появилась у нас благодаря тому, что моя научно-инженерная группа добралась, наконец, до кораблей флота, а точнее, до разведчиков. Формально теперь это уже была не совсем моя группа. Мой новый пост в министерстве обороны категорически не совмещался с положением главы оружейной компании. Пришлось всячески изворачиваться и искать выход, который, с одной стороны, позволил бы мне не потерять контроль над новыми разработками, а с другой не вызывал бы вопросов у многочисленных борцов с коррупцией, расплодившихся до совершенно неприличного количества после крупнейшего за

последние годы скандала вокруг оружейных компаний. На меня и так-то многие смотрели весьма косо, но теперь для прямых обвинений у них вроде как не имелось весомых оснований.

Я договорился с президентом Тобольским о национализации Оружейной компании Лавровых, чем выбил из рук моих противников, начавших сразу после моего назначения обвинять меня в лоббизме, один из главных козырей. Национализация, правда, проводилась по довольно хитрой схеме. Министерство обороны выкупило у моей мамы сто процентов акций нашей компании за полтора миллиарда рублей, то есть по цене, заниженной, по моим скромным подсчетам, как минимум раз в десять. Даже самые оголтелые журналисты из желтой прессы только досадливо морщились, узнавая эту новость, ибо придраться к такой сделке не имелось ни малейшей возможности. Один только трофейный линкор «Титан» стоил не меньше десяти миллиардов, а скорее, в несколько раз дороже.

Но была у этой сделки и оборотная сторона. Во-первых, я оставался председателем совета директоров компании, уже не как частное лицо, а как чиновник минобороны. А во-вторых, за мной сохранялось право обратного выкупа акций после окончания войны с кваргами за те же полтора миллиарда. Конечно, я терял всю прибыль на много лет вперед, ведь все дивиденды теперь причитались министерству обороны, но зато все активы компании, которыми она неизбежно обрастет в процессе дальнейшей работы, после войны перейдут ко мне бесплатно, ведь цену обратного выкупа увеличить будет невозможно.

Захваченный у кваргов линкор мы продали флоту почти сразу после завершения сделки по национализации. В результате у компании появились серьезные средства для дальнейших разработок, и нам даже не пришлось обращаться за финансированием к министерству обороны, хотя теперь, как казенная компания, мы имели такую возможность.

Как председатель совета директоров я настоял на принятии стратегического плана, направленного на продолжение работ по системам маскировки наземной и космической техники, а также на совершенствование систем связи. Первым результатом этой деятельности и стал корабль, на котором мы с Юн Гао отправились в разведывательный рейд. От стандартного среднего разведчика у него остались только корпус, двигатели и частично системы жизнеобеспечения. Все освободившееся место заняли наши новые станции РЭБ и усовершенствованные сканеры. В результате экипаж корабля сократился до

пяти человек против изначальных двенадцати.

Испытания нового разведчика мы проводили на орбите Каллисто, над полигоном минобороны. Я, естественно, знал, чего ожидать, а вот два моих помощника, генерал-лейтенант Ляпин и вице-адмирал Фернандес, которых я не стал менять после ухода генерала Баррингтона с поста главы комиссии, были повергнуты увиденным в состояние легкого шока.

– Господин председатель, – голос вице-адмирала ощутимо дрогнул, – это что же, через него Юпитер просвечивает?

После включения оборудования РЭБ корабль действительно приобрел эффект частичной прозрачности в видимом диапазоне излучений. Конечно, полной невидимости достичь не удалось; на самом деле даже маскировочные поля из моей прошлой жизни не давали иллюзии полной прозрачности объекта, по крайней мере, с такого расстояния. До настоящего маскполя нашему изделию оставалось еще очень далеко, но первые признаки того, что мы на верном пути, явно имели место.

– Я рекомендую вам обратить внимание на показания многодиапазонных сканеров, господа, – вывел я членов комиссии из задумчиво-созерцательного состояния.

Они обратили…

* * *

Мое решение как председателя комиссии по новой технике и вооружениям лично возглавить боевые испытания новинки вызвали глухое недовольство министра обороны адмирала флота Бронштейна, моего непосредственного начальника. Однако его бухтение по поводу неуместности таких действий для лица, занимающего столь значимую должность в министерстве, совершенно не имело веса против прямого указания верховного главнокомандующего не препятствовать капитану Лаврову в подобных начинаниях, чем я бессовестно и воспользовался.

Юн уговорил-таки меня задержаться в пространстве кваргов еще немного, и, возможно, за это ему когда-нибудь поставят памятник, по крайней мере я такую идею поддержу обязательно. Мы нашли совсем не то, за чем отправились осматривать еще две системы, подконтрольные кваргам, но на дальнейший ход войны эта находка повлияла куда сильнее, чем все, обнаруженное нами ранее. Нет, еще один док со строящимся аналогом Титана мы тоже нашли. И кварги, и люди имели склонность строить судостроительные заводы на орбитах газовых гигантов. Почти дармовой источник неограниченного количества водорода, а также множество зачастую богатых необходимыми рудами спутников, делали такие места привлекательными для промышленного производства. Вот именно в таком месте, на орбите пятой планеты Дельты Треугольника, мы и обнаружили один из военно-промышленных центров противника – несколько десятков разнокалиберных верфей и мощный судоремонтный комплекс.

Ничего вроде бы необычного, мы такое видели уже не раз, но наше внимание привлек идущий к планете откуда-то с окраины системы крейсер кваргов. Деталей мы пока различить не могли, но судя по скорости хода и ринувшимся к нему сразу после выхода из гипера нескольким малым кораблям сопровождения, крейсер имел повреждения, причем довольно сильные.

– Юн, откуда этот корабль? – быстро спросил я.

– Сканеры зафиксировали его выход из прыжка за орбитой восьмой планеты около трех часов назад. С тех пор он неспешно движется к ремонтному заводу. Видимо, повреждения затронули двигательную установку, иначе он добрался бы быстрее.

– Я не об этом. Откуда поврежденный корабль здесь? Да и вообще, ты не задумывался, зачем кваргам понадобился судоремонтный комплекс в таком глубоком тылу? Таскать сюда битые корабли весьма накладно.

– Отправим зонд?

– Лучше два. Один к крейсеру, один к ремкомплексу.

Через шесть часов, тихо проскользнув мимо объектов разведки, зонды по широкой дуге вернулись к нашему кораблю. Пользоваться связью мы не рискнули и приняли зонды на борт. Когда обработанный компьютером

видеопоток начал выводиться на проекционный экран, мы некоторое время потрясенно молчали, а потом Юн Гао произнес изменившимся голосом:

– Ну что ж, господин председатель комиссии минобороны, вот теперь нам действительно пора домой.

Мы еще долго стояли перед экраном и рассматривали изображение вражеского крейсера, изъязвленного в носовой части множеством даже не пробоин, а каких-то неровных каверн и сквозных отверстий, то ли проплавленных, то ли проеденных сильной кислотой или чем-то подобным. Весь корпус вокруг них был покрыт неприятным белесым налетом. При этом странное оружие, исковеркавшее часть борта крейсера, похоже, еще продолжало свое действие, хоть и в сильно ослабленном виде. От поврежденных участков продолжали отваливаться какие-то лохмотья, в которые превратился броневой сплав, а корабли сопровождения выпустили множество небольших ремонтных роботов, и те обрабатывали пораженные участки брони струями какого-то порошка, вступавшего с белесым налетом в бурную реакцию с выделением быстро рассеивающихся в вакууме газов.

– Мы должны найти тех, кто это сделал, Юн, – твердо сказал я. – Враги наших врагов могут и не стать нашими друзьями, но не воспользоваться таким шансом мы не имеем никакого права.

* * *

Как только мы достигли зоны досягаемости ближайшего гипермаяка, информационный пакет ушел по цепочке ретрансляторов в столицу Федерации. Я воспользовался служебным положением и отправил его напрямую министру обороны, так что к моменту нашего прибытия все руководство министерства вместе с генеральным штабом и лично господином верховным главнокомандующим стояло на ушах и пританцовывало от нетерпения. Собственно, ничего нового мы добавить к переданной информации не могли, но, как оказалось, совещание по итогам разведрейда все же решили отложить до моего прибытия, что меня сильно удивило.

Министерский флайкар с целым полковником в качестве сопровождающего поперек всяких правил плюхнулся на взлетное поле прямо перед только что опустившимся на сталобетон средним разведчиком. Спустя десять минут я уже

входил в зал совещаний, расположенный на верхнем этаже знакомого мне здания минобороны. Юна Гао я тоже прихватил с собой на всякий случай, все-таки личные наблюдения и комментарии профессионального космического разведчика могли помочь не упустить важные детали. Но командира нашего корабля в зал не пустили, вежливо сославшись на закрытый список участников совещания и попросив подождать в комнате отдыха вызова в зал, если таковой последует.

– Итак, господа, – открыл совещание Тобольский, – вы все в курсе результатов рейда капитана Лаврова. Добытая им и его людьми информация имеет высший приоритет важности, поэтому я попросил вас в столь сжатые сроки подготовить свои соображения и предложения к этому экстренному совещанию. Господин Лавров, – президент нашел меня взглядом, – пока вы летели к Земле, у нас всех было достаточно времени для подробного ознакомления с переданной вами информацией. Есть ли у вас что-то еще, что вы хотели бы добавить к уже известным нам фактам?

– Все факты мы с капитаном второго ранга Юном Гао изложили в информационном пакете максимально полно, господин президент, – произнес я, вставая, – все остальное уже мои личные соображения и выводы, которые более уместно будет озвучить в процессе общего обсуждения.

– Ну что ж, тогда с вас и начнем в соответствии с древней традицией, как с младшего по званию из присутствующих, – усмехнулся Тобольский. – Излагайте ваши соображения, господин Лавров.

Я вышел к кафедре, установленной рядом со столом президиума, за которым в удобных креслах разместились президент Тобольский, министр обороны Бронштейн, начальник генштаба генерал армии Мазилеску, а также министр военной промышленности Зверев, на чье место я столь нагло претендовал в личной беседе с президентом. В зале напротив меня сидели крупнейшие воинские начальники Федерации и руководители министерств и ведомств, имевших отношение к войне и военному производству. Именно возможность выступать перед такой аудиторией я и видел одной из своих промежуточных целей, причем не только выступать, но и добиваться того, чтобы к моему мнению прислушивались. Что ж, в длинном списке ступенек к выполнению задачи можно ставить очередную галочку.

Начнем, пожалуй.

– Господа, я постараюсь изложить свои мысли максимально сжато, – бросил я в зал вступительную фразу. – То, что я видел в тылу кваргов, говорит о двух вещах. Во-первых, мы недооценили военно-промышленный потенциал врага. Через три-шесть месяцев наш флот получит в качестве противника не менее десяти, а скорее, гораздо больше, кораблей класса «Титан», которые при совместном применении будут способны подавить оборону любой из наших звездных систем, включая Солнечную.

Зал задвигался и по нему прошел тихий гул, но я спокойно продолжил:

– Это произойдет, если мы ничего кардинально не изменим в нашей военной промышленности и экономике, хотя не факт, что даже если мы захотим провести необходимые изменения, мы успеем это сделать. Во-вторых, можно считать доказанным, что у кваргов есть еще один враг, с которым они ведут войну. На первый взгляд для нас это хорошая новость, но у меня складывается стойкое ощущение, что наш потенциальный союзник эту войну проигрывает, причем перелом в ней произошел относительно недавно, – иначе как объяснить, что кварги смогли позволить себе резкую активизацию боевых действий на нашем направлении? Таким образом, в обозримом будущем Земная Федерация может столкнуться с тем печальным фактом, что у противника высвободится весьма значительное количество войск и единиц флота, которые будут переброшены на наш театр военных действий. В результате сложения этих двух факторов перед нашей армией и флотом встанет задача, которую они при всем своем героизме и высоком качестве боевой подготовки решить будут не в состоянии просто из-за подавляющего превосходства противника в численности и мощи вооружения.

– А вы не слишком сгущаете краски, господин Лавров? – задал мне вопрос министр обороны. – Ведь многие ваши выводы сделаны исключительно на базе ваших собственных предположений, не основанных на достоверных фактах.

– Я лишь озвучиваю негативный сценарий, господин министр, – аккуратно ответил я, зная вспыльчивый характер Бронштейна. – Там, за этими стенами, от наших решений зависят жизни более чем двухсот миллиардов человек, и мы должны быть готовы к любому варианту развития событий, даже к такому пессимистичному.

– У вас есть конкретные предложения, господин Лавров? – негромким, но твердым голосом задал вопрос министр военпрома Зверев. – Что, например, мое

министерство может противопоставить врагу при реализации вашего сценария?

– Временную национализацию оборонных предприятий, господин министр, – без колебаний ответил я. – Только поставив военное производство под жесткий контроль государства можно быстро нарастить выпуск военной продукции до нужных нам объемов при разумных затратах. Но, опять же, только этой меры будет явно недостаточно.

В зале поднялся возмущенный гул. Такого ответа от меня никто не ожидал.

Тобольский поднял руку, и шум стих.

– Господа, – твердо произнес президент, – мы собрались здесь для принятия важных государственных решений. Прошу помнить об этом и сдерживать эмоции. Я тоже не ожидал от господина Лаврова такого предложения, но я хотел бы выслушать его аргументы до конца. Продолжайте, капитан, – назвал меня президент по моему невеликому званию, то ли давая понять, что надо думать, что говоришь, то ли просто не желая использовать гражданское обращение в данных обстоятельствах.

И я продолжил:

– Земная Федерация стала слишком рыхлым и аморфным образованием, господа, – решил я вывалить на собравшихся давно бродившие в моей голове соображения, а то пока еще дождешься следующего такого случая, – в нашей истории уже были подобные прецеденты. Все вы помните Вторую мировую войну. Германия, великая держава, сумевшая на начальном этапе войны подчинить себе практически всю Европу, опоздала с переводом своей промышленности на военные рельсы и сделала это только к концу тысяча девятьсот сорок второго года. Три года войны немцы в тылу продолжали жить так, будто войны и нет. И что в результате? Армия, вступившая в войну самой мощной и боеспособной силой в мире, к концу третьего года противостояния растеряла свое преимущество и потерпела решающие поражения в России и Северной Африке. Мы уже пятнадцать лет идем этим же губительным путем. Вспомните первые, самые тяжелые, как еще недавно казалось, годы войны. Вот тогда была мобилизация экономики. Никто не думал о прибыли, о рентабельности, о правах и свободах. Все понимали: или мы, или они. И мы выстояли. Но стоило нам выбить кваргов с нашей территории, да даже не со

всей территории, ведь часть ее мы до сих пор не вернули, и настроения стали меняться. И вот теперь мы имеем экономику, производящую явно избыточное для воюющего государства количество товаров невоенного назначения, предметов роскоши, разнообразных услуг и массу прочего барахла, пожирающего производственные и людские ресурсы, которые можно и нужно было бы направить в военную промышленность. А враг все эти годы вел себя иначе. Мы думали, что добились перелома в войне своими силами, а оказалось, что значительную часть войск и ресурсов противника оттянул на себя еще один, неизвестный нам театр военных действий. Вместо того чтобы мобилизовать все силы и нанести врагу решительное поражение, мы дали противнику возможность сосредоточиться на уничтожении наших потенциальных союзников, оставив на нашем фронте только силы сдерживания. И вот теперь мы имеем закономерный результат. Союзник на грани поражения, а нам предстоит остаться один на один с врагом, силы которого мы до последнего момента себе даже не представляли, и я не уверен, что до конца представляем их сейчас.

Меня слушали. Выражения лиц были разными, от раздражения до мрачной задумчивости, но безразличных я не видел.

– Разрешите вопрос к господину Лаврову? – поднялся со своего места министр труда.

Тобольский молча кивнул.

– Правильно ли я понимаю, что вы предлагаете перевести значительную часть предприятий, выпускающих мирную продукцию, в сферу оборонной промышленности?

– Совершенно верно, господин министр.

– А как вы себе это представляете, господин Лавров? В этом секторе экономики восемьдесят процентов компаний представлены малым и нижним сегментом среднего бизнеса. Вы все эти предприятия тоже будете национализировать?

– Ни в коем случае. На это не хватит никаких управленческих ресурсов государства, да и эффективность их работы упадет в разы. Они будут централизованно получать заказы от предприятий ВПК. Опять же, прецеденты имеются в истории той же Германии или Японии.

– Господа, это уже детали. Их можно обсудить позже, – прервал нашу дискуссию министр обороны. – Господин Лавров, вы сказали, что одной национализации будет недостаточно. Вы хотите удивить нас еще какой-то социальной бомбой?

– Нет, господин министр, не хочу, – не отреагировав на сарказм Бронштейна, ответил я, – это будут меры чисто военного характера. Необходимо провести три операции: уничтожение или вывод из строя доков со строящимися суперлинкорами противника, разведывательный рейд на территорию потенциальных союзников и неожиданную демонстративную атаку на одну, а лучше две звездные системы на территории кваргов. Только так мы сможем если не предотвратить, то существенно отсрочить смертельный для нас удар врага.

– Это утопия и пустое прожектерство, капитан, – раздался из-за стола президиума голос начальника Генштаба. Генерал армии Мазилеску был возмущен моей наглостью и дерзостью, что явно читалось на его лице. – Верховный главнокомандующий назначил вас, капитан, на генеральскую должность председателя комиссии по новой технике и вооружениям, и, я уверен, он знал, что делал, принимая это решение. Именно в этой роли вы и находитесь на данном совещании высшего командного состава, хотя ваше звание совершенно не соответствует его уровню. Тем не менее вы берете на себя смелось выдвигать стратегические инициативы, от которых зависит судьба Федерации, хотя, как я помню, даже еще не закончили академию Генштаба…

– Господин генерал армии, – ответил я максимально нейтрально. Портить отношения с Мазилеску в мои планы никак не входило. – Верховный главнокомандующий дал мне слово на этом совещании, чтобы я высказал свои соображения, и я их высказываю. Оценкой моих слов и принятием окончательных решений, естественно, займутся высшие офицеры, в чьи непосредственные обязанности это входит.

– Э… господин Мазилеску, – услышал я вдруг из зала знакомый голос. В поднявшемся генерале, форма на котором как обычно сидела не по фигуре, я узнал индонезийского профессора Супармана Алатаса, в своей обычной манере игнорирующего уставные обращения к старшим по званию и вообще чихать хотевшего на все регламенты и правила. – Извините, что вмешиваюсь, но ведь это именно господин Лавров добыл для нас информацию, ради обсуждения которой мы все здесь собрались. Мне кажется, один лишь этот факт обязывает нас как минимум внимательно его выслушать…

Дискуссия, периодически трансформирующаяся в жаркий спор, продолжалась более пяти часов. Высказывались, обсуждались и отбрасывались самые разные предложения, но итог оказался совсем не таким, как мне бы того хотелось.

Меня выслушали, но не услышали. Идею отвлекающего удара по внутренним планетам кваргов, призванного вселить в противника сомнения в безопасности своих тылов и заставить его отложить наступательные планы до решения этой проблемы, отвергли как нереальный прожект ввиду недостатка у Федерации сил даже на эффективную оборону собственных систем, что уж говорить о крупной наступательной операции.

По поводу внезапной атаки на верфи противника у адмиралов тоже возник неприкрытый скепсис. Такие сооружения находятся в хорошо охраняемых звездных системах, незаметно просочиться в которые достаточными для эффективного удара силами практически невозможно. Следовательно, придется прорываться с боем, а это потери, причем, скорее всего, очень немалые.

Более или менее нормально участники совещания отнеслись только к идее разведывательного рейда с целью поиска звездных систем потенциального союзника, но и то мне указали на отсутствие во флоте кораблей с нужными характеристиками незаметности и дальности хода.

В итоге на меня свалили срочную подготовку необходимых кораблей для разведрейда, а в стратегическое военное планирование вежливо, но твердо попросили не лезть со своими капитанскими погонами.

Высокое собрание решило ограничиться традиционными мерами вроде «увеличить выпуск», «пересмотреть финансирование», «форсировать постройку», «всемерно содействовать» и «провести дополнительный набор в…». Самоуспокоение, короче. Я бы назвал такое поведение преступной халатностью, но кто меня будет слушать?

В общем, выходя с совещания, я почти физически ощущал близость печальной развязки и свое полное бессилие что-либо изменить в сложившейся ситуации. Эти люди с большими звездами на погонах не хотели понимать, что ситуация изменилась. За последние пятнадцать лет они привыкли к равновесию на фронтах и теперь воспринимали новую угрозу как что-то обычное, с чем уже не раз сталкивались и успешно справлялись.

А вот хрен вам, господа, в этот раз не прокатит.

* * *

Я отпустил Юна Гао, которого так и не вызвали на совещание, и вернулся в свой кабинет.

На занятия в академию я сегодня опять не попал. После моего назначения председателем комиссии минобороны начальнику академии О’Салливану пришлось разрешить мне свободное посещение занятий и частично заочную форму обучения. Это решение ему совершенно не нравилось, но генерал понимал, что иных вариантов просто нет.

А мне академия была нужна как воздух. Без нее ни о какой дальнейшей военной карьере и речи идти не могло. Так что старому ирландцу я был весьма благодарен. Он уже второй раз выручал меня, а я стараюсь такое не забывать.

Моей депрессии хватило ненадолго. Я позвонил Инге, и мы отправились гулять в центральный парк. В изящно сидящей по фигуре форме с погонами старшего лейтенанта, с железным крестом на груди и зеленеющим длинными полосами боевого опыта квалификационным шевроном, Инга смотрелась неотразимо во всех смыслах. Досрочный выпуск из ВВУ планетарного десанта и мои личные отношения с начальником училища позволили мне наложить свою наглую лапу на ее дальнейшую карьеру. Внеочередное звание и железный крест Инга получила за абордаж вражеского флагмана в системе звезды Барнарда.

Офицера с таким боевым опытом с удовольствием взял бы в свою часть любой командующий, но мой запрос не оставил им шансов, и Инга поступила в мое распоряжение в качестве командира роты испытателей наземных вооружений вместе с лейтенантами Фултоном и Джасвиндером, а также еще десятком бывших курсантов генерала Шиллера.

Некоторое время назад я пытался, но не смог отговорить Ингу от военной карьеры. Теперь же, по крайней мере, у меня получилось сделать так, чтобы она находилась под моим присмотром. Не хочу я, чтобы Инга высаживалась на вражеские планеты в первой волне десанта. Вот не хочу, и все.

Кстати, именно острое нежелание посылать ее в атаку натолкнуло меня на очень, как оказалось, правильную идею, но об этом не сейчас.

– Послушай, Игорь, – произнесла Инга, выслушав мой эмоциональный рассказ о совещании в минобороны, – а чего ты от них ждал? Что они будут смотреть в рот какому-то, пусть и героическому, но всего лишь капитану, которому едва исполнилось восемнадцать? Ты ведь, как я успела убедиться, неплохо знаешь людей, мог бы и не рассчитывать на положительные результаты своей попытки.

– Ты права, конечно, – я невесело улыбнулся, – но вот что нам теперь делать? Через полгода мы начнем терять одну систему за другой, и эта агония долго не продлится…

– Ну, я-то вряд ли смогу помочь тебе решить этот вопрос, хотя если надо будет опять лезть в какую-нибудь авантюру, всегда можешь на меня рассчитывать. А если серьезно, вспомни, какую должность ты сейчас занимаешь. В твоих руках сосредоточены серьезные ресурсы. Вот скажи мне, господин председатель комиссии минобороны, можешь ты, к примеру, организовать боевые испытания нового оружия, выбрав в качестве цели тыловую верфь противника?

Я задумался.

– Наверное, могу. Но это будет локальная операция, которая ничего не решит. Кварги разместили свои доки в разных звездных системах, и бить по ним нужно одновременно.

– Ну, на то ты и сидишь на генеральской должности, чтобы уметь думать головой. Вот и думай, только не сейчас. Сейчас мы с тобой гуляем и наслаждаемся редкими минутами отдыха, если ты не забыл.

Я обнял Ингу, и мы медленно направились к уютному павильончику на берегу пруда, в котором стайками плавали откормленные разноцветные рыбки. По берегу бегали дети, кидая рыбешкам корм и веселясь, когда рыбы сталкивались лбами, пытаясь первыми добраться до вкусных кусочков.

– Последнее время мне очень трудно заставить себя отвлечься и отдохнуть, – негромко сказал я Инге, – мне все время кажется, что люди вокруг меня уже мертвы. Я смотрю вокруг и вместо всей этой красоты и беззаботности вижу

совсем другие картины. Посмотри на них. Они веселятся и улыбаются, как будто война – это только страшная сказка, как будто можно просто закрыть глаза, и она исчезнет вместе со всеми проблемами. Почему они так ведут себя, Инга?

– Не все знают то, что известно тебе, Игорь, – настроение Инги явно испортилось. – Да и знай они все, не уверена, что это что-нибудь изменило бы. Большинство обычных людей до последнего не верят в то, что привычный для них мир может внезапно рухнуть, и продолжают вести себя так, как будто ничего не происходит.

– Извини, что испортил тебе отдых.

– Не испортил, но вот гулять мне что-то и впрямь расхотелось. Пойдем куда-нибудь поужинаем, ты ведь сможешь выкроить для меня вечер?

Я тряхнул головой, прогоняя прочь мрачные мысли, и усмехнулся.

– До завтрашнего утра я вполне способен отложить все планы по спасению этого мира.

* * *

Утро расставило мои мысли в должном порядке. Не бывает безвыходных ситуаций… ну, почти не бывает. Какой-то вариант есть всегда, весь вопрос в том, какой ценой будет достигнут нужный результат.

Умирать в неравном бою с врагом я совершенно не собирался, не входило это в мои планы. Я, конечно, рассчитывал на мобилизацию всех ресурсов Федерации, но, как оказалось, сильно переоценивал свои возможности. Значит, будем решать вопрос самостоятельно.

Что мы имеем? Бывшая Оружейная компания Лавровых, а теперь Федеральная Корпорация Перспективных Вооружений тоже обладает кое-какими ресурсами, а у меня на моей новой должности есть возможность привлекать в качестве подрядчиков любые частные оружейные компании. Вот и будем работать.

Джефф и профессор Штейн выслушали меня предельно внимательно. Штейн только покачал головой, а главный инженер задумчиво произнес:

– Если у нас десять разведанных целей и на каждую потребуется около пятидесяти торпед, то производить своими силами полтысячи уникальных изделий размерами с истребитель мы будем… даже не знаю, не меньше года, наверное. И это ведь не все. Нужны будут носители, командирские машины, еще куча всякого железа. А пилотов когда готовить будем? Мы никак не успеем…

– А мы и не будем успевать все сами. Мне от вас нужен проект и один-два опытных образца для испытаний и тренировки пилотов. Как только будет готова техническая документация, я предложу Русскому Оружейному Концерну, а может, и не только ему, контракт на изготовление наших изделий. Поэтому, господа, делайте что хотите, хоть ночуйте на работе, требуйте с меня любые деньги, но через две недели я должен увидеть образец. Пусть он будет выглядеть как плод ночных бдений сумасшедшего механика, но он должен работать.

– Кристина меня прибьет… – с притворным ужасом произнес Джефф, но в его глазах я заметил лихорадочный блеск предчувствия новой интересной задачи.

– Ничего, я сейчас свяжусь с генерал-лейтенантом Шиллером и попрошу его интенсифицировать учебный процесс для курсанта Яковлевой, так что ей на некоторое время станет не до главного техника училища.

– Нет-нет-нет, вот этого не надо, пожалуйста! – проблеял Джефф. – Если она узнает, что было причиной…

Штейн поднялся и отошел к окну. Его плечи слегка подрагивали.

Профессор беззвучно смеялся.

* * *

Пятый ударный флот застрял в Солнечной системе надолго. Полученные его кораблями боевые повреждения требовали длительного ремонта в заводских условиях, а марсианские верфи оказались перегружены. Кроме того, на две

трети флот пришлось формировать заново. Потери в сражении за Барнард-3 оказались просто катастрофическими. Полностью потерянный Четвертый флот, выведенный на переформирование Пятый ударный, разрушенные орбитальные крепости… Все это сильно подорвало боеспособность флота Федерации.

Но эти печальные обстоятельства привели к тому, что нужные мне люди оказались в пределах досягаемости.

– Здравия желаю, господин адмирал флота, – поприветствовал я Нельсона, как только установилась связь. – Поздравляю вас с новым званием.

– А… господин председатель комиссии минобороны! – усмехнулся адмирал. – Спасибо. Мы с вами неплохо потрудились в тот раз. Я смотрю, ваши погоны тоже преобразились, капитан… давайте без званий. Что за новую авантюру вы затеваете?

– Я знал, что моя репутация не всегда однозначна, но чтоб вот так сразу и авантюра…

– Вы мне голову-то не морочьте, Игорь. Я вам не для того личный контакт давал, чтобы вы со мной просто так поболтать связывались. Мы с вами оба об этом знаем, так что излагайте, излагайте.

– Мне нужна ваша помощь, господин Нельсон. – И я вкратце изложил адмиралу результаты совещания в минобороны, благо допуск к информации у него имелся. Это Инге я рассказал кое-что на свой страх и риск, а в случае с адмиралом был спокоен.

Тот выслушал меня с каменным выражением лица.

– Десять линкоров класса «Титан»… – в его голосе прорезалась сталь. – Они что там, совсем ума лишились? Как они собираются оборонять наши планеты?

– Я думаю, их не десять, а значительно больше. Мы не могли найти все доки.

– Значит, ваши соображения Генштаб слушать не стал? Это на них очень похоже, Игорь. Я совершенно не удивлен. Жаль, что Тобольский не в силах переломить

эту ситуацию. А может, он просто верит им. Нужно было самому побывать в том бою и постоять на наших линкорах под залпами флагмана кваргов, чтобы понять, с чем мы в действительности столкнулись. Для них это просто еще один корабль врага, пусть и очень большой. А для нас, тех, кто видел его в бою, совершенно ясно, что десять таких линкоров – это смерть. Быстрая и неотвратимая. Чем я могу вам помочь?

– Для начала мне нужен совет. Я ничего не понимаю в судостроении и назначении кораблей. Мне нужны носители для… ну, назовем это истребителями. По массогабаритным параметрам очень похожи, хотя на самом деле это беспилотные торпеды, обладающие характеристиками истребителя и собственными мощными системами РЭБ. Классический авианосец мне не подойдет. Он слишком большой, чтобы его эффективно замаскировать. Да и нужно таких носителей аж десять штук, но на каждом будет всего около семидесяти машин, причем как можно более компактно размещенных. Жилых отсеков самый минимум, а вооружения и брони может не быть совсем. Размер и масса корабля очень сильно влияют на возможность сделать его незаметным, мы планируем нанести внезапный удар из пустоты.

Адмирал задумался и молчал минуты три.

– Авианосцы и другие боевые корабли вам действительно не подойдут, – наконец озвучил он свой вывод, – но есть один интересный вариант. Если растрясти генерал-полковника Князева на десяток средних войсковых транспортов и выкинуть оттуда все лишнее, то их можно относительно быстро переоборудовать под ваши нужды. Это, конечно, будет жуткая кустарщина, ваши торпеды и истребители придется выпускать через ворота десантных отсеков, но попробовать можно. Вот только если адмиралтейство узнает, что мы самовольно помножили на ноль десяток вполне годных кораблей…

– Под мою ответственность, – быстро произнес я, не давая адмиралу передумать.

– Хм… ну да. Вы теперь и впрямь лицо ответственное, так что если что… да ладно, Игорь, вы меня знаете. Я после Барнарда-3 вам и пару авианосцев бы подогнал. Вот только с Князевым сами, пожалуйста, – хитро улыбнулся Нельсон, – он за свои транспорты мне сразу глотку перегрызет, а вас, может и выслушает сначала…

* * *

– Господин Лавров, то, о чем вы просите, выходит за рамки ваших полномочий, – хмуро сообщил мне министр военной промышленности. – С какой стати я должен сдвигать график ремонта боевых кораблей ради переоборудования ваших транспортов? У меня есть заказ флота, утвержденный министром обороны, и я буду нести ответственность за срыв сроков его выполнения…

Зверев смотрел мне прямо в глаза и произносил все эти правильные фразы, но я не видел в его взгляде ответа «нет». Что-то мешало министру просто взять и послать меня куда подальше. Ну что ж, будем пытаться найти нужные слова.

– Господин министр, – осторожно начал я, – вы ведь слышали мое выступление на совещании командного состава. Разрешите узнать ваше мнение, вы тоже считаете меня пустым прожектером?

Зверев на секунду отвел взгляд, но быстро восстановил внешне спокойное выражение лица.

– Я так действительно считал, – подтвердил министр, – ровно до вчерашнего дня.

– Что же изменилось?

– Я посетил новую верфь, в которую поставлен на ремонт трофейный линкор «Титан».

– И что заставило вас изменить ваше мнение?

– Этот корабль… мы не сможем построить что-то подобное в ближайшие несколько лет. Я даже не уверен, что у нас получится переделать «Титан» для управления человеческим экипажем. Как вы смогли справиться с ним, господин Лавров? И ведь вы проделали это в бою, подавляя сопротивление противника, а потом уничтожили несколько линейных кораблей врага. Как?

– Так же, господин Зверев, как я собираюсь уничтожить строящиеся корабли противника – с помощью новейших разработок Оружейной Компании Лавровых,

ныне переименованной в ФКПВ, Федеральную Корпорацию Перспективных Вооружений. Но если тогда я имел возможность сделать все необходимое сам, то теперь нуждаюсь в вашей помощи. У нашей компании нет судостроительных мощностей, а все казенные и частные верфи забиты заказами флота и ни за какие деньги не соглашаются выполнить мой заказ.

– Вы так уверены, что сможете сделать то, о чем говорите? Уничтожить десять доков в тылу врага, в занятых кваргами системах, напичканных их кораблями?

– Но ведь однажды я уже побывал там и смог вернуться…

– Войсковой транспорт – это не средний разведчик, господин Лавров. Его так просто не спрячешь.

– Мы справимся. Поднимите информацию по Лейтену-5 и Барнарду-3, там ситуация тоже казалась безнадежной. А еще постарайтесь представить себе на секунду десять линкоров класса «Титан», выходящих из гипера внутри орбиты Нептуна…

– Примерно об этом я и думал вчера, осматривая ваш трофей. Потому я с вами все еще и разговариваю, господин Лавров, хотя должен был сразу же категорически отказать вам в вашей просьбе и написать докладную вашему непосредственному начальнику. А о ваших боях за Лейтен и Барнард я в курсе, про Каптэйн и Глизе тоже, поинтересовался вашей биографией после совещания в минобороны.

– Вы дадите мне верфи, господин министр? – задал я прямой вопрос, понимая, что все аргументы уже исчерпаны.

– Дам. Но у меня есть условие.

– Какое же?

– Вы лично возглавите атаку на доки противника. В противном случае я не верю в успех.

– Куда мне привести корабли, господин министр?

* * *

В две недели Джефф и Штейн не уложились, но я их за это не винил, хотя внешне недовольство срывом поставленных сроков продемонстрировал. Большую часть времени, которую мне удавалось урвать от академии и своих прямых обязанностей в министерстве, я проводил в бесконечных уточнениях изменений, которые требовалось внести в конструкцию десантных транспортов, чтобы из них получились хотя бы жалкие подобия авианесущих кораблей. Кроме того, требовалось нашпиговать их станциями РЭБ и мощными компьютерами, которые могли бы заставить их работать согласованно. Для этого мне пришлось забрать у Джеффа двух инженеров, что тоже сказалось на сроках. Тем не менее через три недели опытный образец дрон-торпеды стоял передо мной в ангаре авианосца «Веллингтон» рядом с командирским истребителем, предназначенным для управления десятью такими изделиями.

С разрешения командира корабля, капитана первого ранга Кларка, я пригласил представителей Российского Оружейного Концерна и «Глобал Випон Индастриз» прямо сюда, на борт авианосца, для присутствия на внутренних испытаниях новой техники. От РОКа прибыли главный инженер и коммерческий директор, а ГВИ прислала знакомого мне по прошлым переговорам Энрике Круса и кого-то из ведущих специалистов по флотской технике.

– Господин Лавров, – обратился ко мне Крус после взаимных приветствий, – руководство нашей компании высоко ценит ваше приглашение и надеется на взаимопонимание в дальнейшем. От себя добавлю, что очень сожалею о нашем конфликте и надеюсь, что теперь он уже в прошлом.

– Не знаю, как вам, господин Крус, а мне сейчас не до внутренних конфликтов. Я знаю вашу компанию как мощное предприятие военно-промышленного комплекса, имеющее опыт в крупносерийном выпуске многих видов оружия. Именно в этом качестве вы мне и нужны. Если вы меня не подведете, я готов забыть обо всех прошлых разногласиях.

– ГВИ приложит для этого все усилия, можете не сомневаться, господин председатель комиссии министерства обороны, – торжественно-официальным голосом заверил меня Крус.

– Вот и отлично. Итак, господа, – обратился я к приглашенным, – сейчас вы увидите демонстрацию нашего нового торпедного оружия, способ применения которого принципиально отличается от существующей в нашем флоте практики. Пока у нас имеется в наличии только одна торпеда, но вы, я уверен, обладаете достаточным воображением, чтобы представить, что их могут быть многие десятки, ну а для того, чтобы это стало реальностью, я и собрал вас здесь. Пройдемте в командный пост корабля, господа, командир Кларк любезно разрешил нам наблюдать за испытаниями оттуда.

В качестве цели мы выбрали верфь, в которой стоял на ремонте тяжело поврежденный линкор «Нью-Йорк». Администрацию дока и патрульные силы флота метрополии мы, естественно, заранее поставили в известность о том, что на вверенный им объект планируется учебная атака, и сейчас засидевшиеся без настоящего дела командиры корветов и операторы зенитных систем верфи с энтузиазмом прощупывали космос сканерами, ожидая появления условного противника.

Носителя для командирской машины и торпеды у нас пока в наличии не имелось, поэтому мы попросили каперанга Кларка разогнать авианосец в направлении верфи, выпустить наши экспериментальные изделия и сменить курс, постепенно снижая скорость.

Маневр авианосца условный противник, само собой, отследил. Еще бы они не заметили такую тушу, как «Веллингтон», – но, как я надеялся, старт наших машин остался незамеченным. На авианосец по условиям испытаний защитники верфи не должны были обращать внимания, поскольку он играл сугубо вспомогательную роль. Они и не обратили.

А вот дальше началось самое интересное. Командирский истребитель, управляемый одним из пилотов, уже имевших опыт полетов на такой технике, аккуратно изменил курс, чтобы зайти на цель по неожиданному для противника вектору атаки. Контролируемая им торпеда держалась чуть позади машины ведущего как собачка на привязи, аккуратно повторяя его эволюции. Расстояние до пустотного дока оставалось еще весьма приличным, и наши машины начали осторожный разгон, чтобы выйти к цели на максимальной скорости. Сканеры верфи и патрульных кораблей все еще не замечали опасности, а пилот командирской машины видел их более крупные и менее защищенные от обнаружения корабли вполне отчетливо и совершал маневры, стараясь провести свои машины к цели на максимальном от них расстоянии.

В десяти тысячах километров от дока истребитель совершил осторожный маневр, ложась на курс, расходящийся с целью, а торпеда выключила двигатель и отправилась к цели по инерции, прикрываясь системами РЭБ и стараясь ничем себя не обнаруживать.

Теперь перед пилотом истребителя не стояла задача оставаться незамеченным. Торпеду на цель он вывел, а дальше она должна была действовать уже в автоматическом режиме. Поэтому пилот командирской машины решил помочь своей подопечной, отвлекая на себя внимание сил обороны. Включив двигатели в режим форсажа, он резко изменил курс и атаковал один из патрульных кораблей.

Вывалившийся практически из пустоты истребитель поверг командира корвета в легкий шок. Расстояние, на котором его сканеры обнаружили противника, совершенно не соответствовало его представлениям о возможностях современных средств РЭБ. В результате дерзкой атаки корвет получил в борт ракету, и компьютер вывел на проекционный экран список условных повреждений. Проскочивший на максимальной скорости мимо корвета истребитель остался безнаказанным, несмотря на довольно плотный огонь зенитных средств патрульного корабля. В попытку перехватить одиночный истребитель ввязались еще два корвета, но их системы наведения с большим трудом захватывали юркую цель и все время норовили ее потерять.

Тем временем торпеда продолжала сближаться с пустотным доком. Идея сделать торпеду, способную самостоятельно добраться от авианосца до вражеского корабля, пришла мне в голову, когда я наблюдал за гибелью наших торпедоносцев, оказавшихся очень уязвимыми для истребителей противника. Конечно, такой боеприпас оказывался очень дорогим. Фактически это и был беспилотный истребитель, оснащенный средствами радиоэлектронной борьбы, мощными двигателями, обеспечивающими высокую скорость и маневренность, и вооруженный вместо ракет и пушек внутренним бинарным зарядом изрядной мощности. Но главным преимуществом этого оружия являлась способность эффективно противостоять обнаружению противником и его системам захвата цели.

Сканеры верфи заметили угрозу в момент, когда на адекватную реакцию у зенитных систем уже практически не осталось времени, к тому же, отреагировав на высокую интенсивность облучения сканерами, торпеда начала хаотическое

маневрирование, затрудняя противнику наведение. Врезаться в корпус дока торпеда не стала, все-таки бой шел учебный, и терять единственное пока экспериментальное изделие, рискуя при этом покалечить верфь, никто не хотел. При очередном маневре торпеда прошла впритирку к конструкциям дока, обозначила яркой вспышкой условный подрыв боевой части и легла на обратный курс к авианосцу.

– Цель поражена, – констатировал компьютер авианосца, – промышленному объекту условного противника нанесены критические повреждения.

– Это было эффектно, господин Лавров, – удовлетворенно заметил капитан Кларк, – поздравляю с успехом. Когда флот может рассчитывать на появление этого оружия на наших кораблях?

– Раньше, чем вы думаете, господин капитан первого ранга, – усмехнувшись, ответил я, – и спасибо за поздравления. Господа, – повернулся я к представителям оружейных компаний, – через полтора месяца мне нужно пять сотен таких торпед и пятьдесят командирских машин для управления ими в бою. Техническая документация на изделия готова, ее передадут вам представители ФКПВ. Доступ к разработкам наших инженеров, необходимым для налаживания серийного производства торпед, будет у вас неограниченным. Я не собираюсь проводить конкурс, на это просто нет времени. Решение о заключении с вами прямых договоров буду принимать я сам под мою личную ответственность, исходя из цен и сроков, которые вы назовете. Я жду ваших предложений завтра, господа. Больше времени я вам дать просто не могу.

– Это что такое, капитан? – министр обороны удивленно поднял на меня глаза, оторвав взгляд от планшета. – Вы опять за свое?

– Это план боевых испытаний торпед нового типа, господин адмирал флота, – ответил я. – Поскольку их основным назначением является скрытная неожиданная атака крупных кораблей и объектов космической инфраструктуры противника, в качестве целей выбраны верфи кваргов, в которых они сейчас достраивают свои суперлинкоры.

– Но откуда вы взяли ресурсы, корабли и производственные мощности, капитан?! Это же не боевые испытания получаются, а крупный рейд по тылам противника с

привлечением серьезных сил флота!

– Корабли мне предоставил генерал-полковник Князев с разрешения адмирала флота Нельсона в рамках соглашения о проведении испытаний новой техники, которое никто не отменял еще со времен, когда ФКПВ называлась Оружейной компанией Лавровых. Верфи для их переоборудования мне согласился выделить министр военной промышленности Зверев. Не скажу, что он сделал это охотно, но сделал. А ресурсы у ФКПВ после продажи флоту линкора «Титан» нашлись собственные.

– Капитан, вы авантюрист чистой воды! – кипел министр. – Вы рискуете сами, вы подставляете меня как своего непосредственного начальника. Вы что, не могли согласовать это со мной заранее?!

– Вы бы не одобрили мой план, господин министр, извести я вас заранее.

– Прекрасно, капитан! Просто замечательно! Вы понимали, что я не разрешу вам эту авантюру, и сделали все без моего ведома, а теперь еще имеете наглость заявлять мне это в глаза!

– Я всегда предпочитаю честные ответы, господин адмирал флота, если во лжи нет острой необходимости.

– Гхм… – поперхнулся очередной гневной тирадой Бронштейн. – Что мне с вами делать, капитан? Я не могу санкционировать эту операцию, это очевидно. А вот с вашим поступком мне явно придется как-то разбираться. Вы это понимаете? Вы поступили вразрез с решениями, принятыми на президентском совещании высшего комсостава. Никто не отдавал вам приказа готовить этот рейд, а вы отвлекли промышленные ресурсы от ремонта кораблей и производства техники, которая нам очень скоро может понадобиться в бою.

– Она нам не поможет, господин министр…

– Молчать! Капитан, если вы еще раз осмелитесь оспаривать решения командования, я сниму вас с должности и отправлю командовать батальоном на Каптэйн, чтобы вы сидели в этой дыре до конца войны и не создавали больше никому проблем.

– Господин министр, – как можно спокойнее ответил я, – но ведь я нигде не превысил своих полномочий. Ни разу. Разработка и подготовка к испытаниям нового оружия является моей непосредственной обязанностью. Нигде в моей должностной инструкции не сказано, что я не могу привлекать для этого другие министерства и ведомства. К министру Звереву я обратился с официальной просьбой, и он эту просьбу удовлетворил, а значит, имел возможность сделать это, не нанося ущерба обороноспособности Федерации. А уж возглавляемое вами министерство обороны его решение точно никак не затрагивает. Это сугубо его сфера ответственности.

– Ну, допустим, – согласился Бронштейн, чуть остывая, – но почему о подготовке такой операции министр обороны узнает за два дня до ее начала, а генштаб вообще не в курсе?

– Потому что это не операция вооруженных сил Федерации, а боевые испытания нового экспериментального оружия, господин министр, – терпеливо пояснил я. – И она проводится под эгидой комиссии минобороны по новой технике и вооружениям, которую я имею честь возглавлять. В уже упомянутой мной должностной инструкции сказано, что я обязан сообщать вам об испытаниях в уведомительном порядке, а не согласовывать их с вами на стадии планирования. Вы, естественно, вправе вносить любые коррективы в план испытаний, если он противоречит текущим интересам генштаба или минобороны в целом, для этого и предусмотрено обязательное уведомление, чтобы я своими испытаниями случайно не спутал карты вам и Генштабу. Но мне почему-то думается, что это не тот случай.

– А мне думается, что вы самоуверенный выскочка, капитан! Я признаю ваши боевые заслуги, но вы не политик и не чиновник и, боюсь, никогда не станете ни тем, ни другим. Вам бы командовать десантной бригадой, а может, и дивизией. Вот хотите, прямо сейчас напишу приказ, а, капитан? Там бы вы были как раз на своем месте.

– Вы даже не представляете, господин министр, с каким удовольствием я бы принял это назначение. Но на должности командира десантной дивизии невозможно решить исход войны, а я хочу обеспечить Федерации победу и буду добиваться этого всеми доступными мне средствами.

– Красивые слова, капитан. И я даже вижу, что вы говорите искренне, – задумчиво проговорил министр. – Хотите откровенно? Вы сделали большую

глупость, озвучив ваши идеи на совещании высшего комсостава. Я не просто так сказал вам, что вы не политик. Нельзя было так поступать. В глазах заслуженных генералов вы мальчишка в звании капитана, а пытаетесь навязать свои планы взрослым дядям с такими звездами на погонах, до которых вам еще расти и расти, и не факт с таким подходом к делу, что когда-нибудь дорастете. Вы думаете, я не понимаю, что в ваших словах присутствовало рациональное зерно? Понимаю прекрасно, и тогда, на совещании, тоже понимал. Но вы должны были сначала доложить ваши соображения начальнику Генштаба, благо ваша должность это позволяет, потом он со своими аналитиками провел бы всесторонний анализ этих идей, внес бы поправки и коррективы и превратил бы голую идею в предварительный план операции. Дальше он пришел бы с этим планом ко мне, я тоже внес бы свои замечания и изменения, и только после этого мы могли бы предложить его для обсуждения на президентском совещании.

– И когда бы я это все сделал, господин министр? Меня же выдернули на совещание прямо с взлетного поля космодрома!

– Значит, не надо было озвучивать эти мысли вообще. Внесли бы свою идею позже, обычным порядком. Толку было бы куда больше.

– У нас нет времени, господин министр. Я слушаю вас и удивляюсь, как Федерация смогла продержаться двадцать лет в войне с таким опасным врагом при подобном подходе к делу. Вы же адмирал флота, господин министр, я не верю, что вы не понимаете, что будет, если дать кваргам достроить их линкоры…

– Вот что, капитан Лавров! – резко прервал меня Бронштейн. – Вы совершенно меня не слушаете и не делаете нужных выводов из моих слов. Единственное, что заставляет меня с вами все еще разговаривать – это ваше неподдельное стремление к победе над кваргами, которое вы уже не раз всем нам демонстрировали и которое постоянно ставите выше любых личных интересов. Вот сейчас, доводя меня до бешенства своим хамством, вы очень рискуете карьерой, и, как мне кажется, прекрасно это понимаете. Зачем вы это делаете, капитан?

– Мне нужна эта операция, господин министр, – проявляя максимум терпения, ответил я, – мы и так потратили слишком много времени на подготовку. Если мы позволим кваргам ударить по нашим планетам их новым оружием, Федерация не

выстоит. Я это знаю точно, я видел такой корабль в бою с обеих сторон прицела. Вы правы, сейчас мне уже безразлично, что будет дальше с моей карьерой, но я не хочу, чтобы из-за моего бездействия в небытие отправились двести миллиардов человек. Я уже умер однажды, господин министр, но тот парень, что смотрит на нас сверху, дал мне второй шанс, и теперь за мной должок, ведь не зря же он это сделал, а долги свои я привык выплачивать в полном объеме.

– Астероидная горячка? – задумчиво спросил Бронштейн. – Я помню, мне говорили.

– Господин министр, я взял на себя смелость подготовить проект вашего приказа о боевых испытаниях новых торпед. Там сказано, что вы санкционируете их проведение, но оставляете выбор целей в тылу противника на мое усмотрение. Если я не вернусь оттуда, виноват буду только я, ведь это будет исключительно мое решение, да и головной боли у вас без меня заметно поубавится. Ну а если все получится, всем будет очевидно, по чьему приказу я действовал, – сказал я, скидывая на планшет министра соответствующий файл.

Бронштейн секунд пятнадцать смотрел мне в глаза и молчал, а потом опустил взгляд на экран и углубился в чтение. Министр хмурился и вносил в текст какие-то правки, потом отложил планшет и вновь поднял взгляд на меня.

– Я подписал приказ, капитан. Пятый ударный флот выделит вам корабли для поддержки проведения операции. Их количество и состав согласуете с адмиралом флота Нельсоном.

– Спасибо, господин министр, – ответил я, вставая.

Я уже выходил из кабинета Бронштейна, когда он остановил меня своей фразой:

– Я, пожалуй, как-нибудь смирюсь с головной болью, капитан. Альтернативные варианты развития событий нравятся мне куда меньше.

* * *

В пространство кваргов мы проникли пятью отдельными группами. Сопровождавшие наши транспорты корабли адмирала Нельсона остались далеко

позади, поскольку не были оборудованы нашими последними версиями станций РЭБ. Тащить их за собой во вражеский тыл означало лишь подвергать корабли неоправданному риску, а всю операцию ставить на грань срыва.

Пустотные доки, в которых кварги строили свои гигантские корабли, размещались в пяти подконтрольных врагу звездных системах, расположенных достаточно далеко друг от друга, поэтому мы были вынуждены выводить наши корабли на рубеж атаки независимо друг от друга, согласовав только точное время начала операции. Одновременное начало атаки требовалось для обеспечения внезапности, на которую в значительной мере опирался мой план.

Адмирал Бронштейн был совершенно прав, называя нашу операцию авантюрой. Ничем иным она и не могла быть, учитывая дикий дефицит времени и ресурсов, который мы испытывали при подготовке. РОК и ГВИ едва успели изготовить нужное нам количество торпед и командирских машин, а переоборудование транспортов в полуразведчики-полуавианосцы шло с таким скрипом, что иногда мне приходилось не вылезать из доков сутками.

В результате все равно получилось нечто, что стоило называть скорее недоразведчиками-недоавианосцами. Все-таки средний войсковой транспорт – изрядная туша. Не крейсер, конечно, но уже и не эсминец. Попробуй такое замаскировать. Мы не успевали штамповать процессоры для станций РЭБ, что уж говорить о монтаже и подгонке настроечных параметров. Итог вышел гораздо печальнее, чем мне представлялось, но сейчас жалеть об этом было уже откровенно поздно, мы летели в пасть к жабам, тьфу, к кваргам.

С каждой группой шло по одному среднему разведчику, модернизированному по образу и подобию корабля, на котором мы с Юн Гао летали в разведывательный рейд. Их задача заключалась в наблюдении за испытаниями. Что бы ни случилось, они должны были вернуться и доложить о результатах атаки. Две группы состояли только из одного транспорта и разведчика. В их задачу входило уничтожение одиночных пустотных доков с недостроенными линкорами. Еще две группы состояли из разведчика и двух транспортов и шли к системам, где верфи кваргов располагались парами. Самая многочисленная группа, с которой шел я сам, двигалась к наиболее густонаселенной системе из обнаруженных нами в прошлом рейде. Четыре пустотных дока в ней располагались на орбите шестой планеты, газового гиганта, как водится.

Четыре наших транспорта и средний разведчик вышли из прыжка за границами системы. Два дня мы медленно и аккуратно пробирались через внешний пояс астероидов, чутко прощупывая пространство лучшими сканерами из тех, что инженер Джефф и профессор Штейн смогли собрать на основе новых процессоров. На наше счастье углубляться в центральные районы системы, где вращались вокруг здешнего светила землеподобные планеты, нам не пришлось. Нарваться там на патруль кваргов или на сеть стационарных сканеров было во много раз легче, чем на окраине системы, хотя в том, что доки будут усиленно охраняться, сомнений у нас не возникало. Мы лишь рассчитывали, что охранно-патрульные силы успели расслабиться и облениться за годы спокойной службы, и их бдительность хоть и немного, но притупилась.

Так ли это было на самом деле или успешно сработали станции РЭБ нового поколения, но на рубеж атаки мы вышли необнаруженными и даже с небольшим запасом времени. Транспорты осторожно погасили скорость и зависли в пустоте, а разведчик выдвинулся чуть ближе к объекту атаки и выпустил в его сторону компактный зонд. Через несколько часов зонд вернулся, и мы стали обладателями трехмерных изображений наших целей.

Я не обманул министра обороны, мы действительно чуть не опоздали. Судя по внешнему виду линкоров, степень их готовности приближалась к восьмидесяти процентам. На паре кораблей уже смонтировали почти всю внешнюю обшивку и сейчас устанавливали башни главного калибра.

Ну что ж, наше время ожидания подошло к концу, и транспорты начали разгон в сторону целей. Спустя час ворота трюмов разошлись в стороны, и катапульты вытолкнули из внутренних объемов кораблей командирские машины и наши новые торпеды. На каждый док мы планировали направить по пять десятков. Командирские машины разошлись в разные стороны, уводя за собой по десять торпед, чтобы обеспечить одновременную атаку дока с нескольких направлений, а корабли развернулись кормой вперед и приступили к плавному торможению.

– Обнаружен противником! – доложил командир транспорта «Бриджтаун» капитан третьего ранга Бозуорт.

– Немедленно разгоняйтесь и уходите в прыжок! – скомандовал я, наблюдая, как охранные силы кваргов перестраиваются и набирают скорость для атаки обнаруженного корабля. – Выпущенные вами машины мы подберем сами.

– Разрешите поднять истребители с «Бриджтауна», господин капитан? – обратился ко мне кавторанг Матвеев. Нельсон приставил его ко мне для командования истребителями, переданными нам с авианосца «Виндхук». На каждом из транспортов базировалось по восемь машин. На всякий случай, как объяснил мне Нельсон, и я не возражал. Все равно нужного количества торпед, чтобы забить корабли под завязку, мы изготовить не успели, и место еще оставалось.

– Пожалуй, самое время, – кивнул я. – Пусть попытаются связать боем корветы противника и увести их за собой.

Проблема заключалась в том, что переданные нам с «Виндхука» машины имели стандартную флотскую конфигурацию и по параметрам маскировки не шли ни в какое сравнение с командирскими машинами и торпедами нашего производства. Поэтому выпускать их можно было только с уже обнаруженных противником кораблей, иначе они просто демаскировали бы нас. В результате в бой с наседающими на разгоняющийся транспорт легкими силами кваргов вступили только восемь истребителей.

Между тем положение «Бриджтауна» становилось безнадежным. Силы кваргов базировались не только в районе шестой планеты, но и в других точках системы, в том числе и за нашей спиной. Мы обошли их, скрываясь под маскировочным зонтиком станций РЭБ, а вот вырваться обратно обнаруженному кораблю уже не удалось. Невооруженный и по большому счету вообще не боевой корабль ничего не смог противопоставить корветам и эсминцам.

Яркая вспышка на месте транспорта поставила точку в этом недолгом сражении. К моменту гибели корабля все восемь выпущенных с него истребителей тоже были уже сбиты, неравенство сил оказалось подавляющим.

Три наших транспорта, оставшихся пока необнаруженными, неподвижно зависли в пустоте, ожидая развития событий. Волна торпед под управлением командирских машин продолжала аккуратно пробираться к целям, обходя на максимально возможной дистанции корабли и стационарные сканеры противника. Делать это пилотам командирских истребителей становилось все труднее, поскольку активность противника в районе шестой планеты усилилась в разы. Эффект внезапности был безвозвратно утрачен, но торпедам оставалось пройти до целей не так уж и много.

– Что будем делать, господин командующий? – обратился ко мне командир транспорта. – Вероятность нашего обнаружения возрастает с каждой минутой. Кварги стягивают сюда силы со всей системы.

– Пока просто ждем, – с демонстративным спокойствием ответил я. – Если мы включим двигатели, нас заметят почти наверняка. Дождемся удара торпед. Возможно, в заварившейся каше мы сможем ускользнуть.

– Обнаружен противником! – пришел доклад с одной из командирских машин.

Уже совсем невдалеке от планеты, по космическим меркам практически рядом, вспыхнул короткий бой. Наш истребитель сошелся на встречных курсах с корветом противника. Весовые категории кораблей не шли ни в какое сравнение, но юркий и, главное, очень хорошо защищенный средствами радиоэлектронной борьбы истребитель ускользнул от ракет и зенитных снарядов, а сам в ответ выпустил по противнику две легкие ракеты.

Причинить ими серьезный вред космическому кораблю можно только при большой удаче, но пилот обнаруженного истребителя и не собирался этого делать. Он стремился до конца выполнить свою задачу.

Торпеды, брошенные пилотом на время боя на произвол судьбы, вновь почувствовали стальные струны управляющих сигналов и рванулись вслед за командирской машиной к пустотному доку кваргов, совершая отчаянные хаотические рывки и маневры уклонения. Зенитные системы дока и кораблей охраны засыпали опасного противника снарядами и ракетами. Торпеды погибали одна за другой.

Пилот командирской машины довел своих подопечных до рубежа, с которого они уже могли атаковать док в автономном режиме, и резким маневром разорвал дистанцию с напичканным зенитками доком.

Ни одна из десяти торпед до цели не добралась. Зенитчикам кваргов можно было только аплодировать стоя. Но свое черное дело погибшие торпеды сделали, оттянув на себя внимание защитных систем и кораблей врага, и когда из пустоты космоса вынырнули еще сорок торпед, зенитные системы верфи уже не смогли справиться с этой смертельной угрозой.

Все четыре пустотных дока подверглись атаке практически одновременно, как и было задумано. Преждевременное обнаружение одной из командирских машин лишь облегчило решение этой задачи.

Титанические судостроительные сооружения покрылись вспышками взрывов бинарных боевых частей торпед. Кумулятивный заряд пробивал обшивку и выжигал перед собой путь для проникновения фугасной части торпеды внутрь недостроенного корабля. От удара нескольких десятков мощнейших боеприпасов пустотные доки вместе с недостроенными кораблями получили катастрофические повреждения.

Один из кораблей раскололся на три части, которые вместе с оплетающими их конструкциями разрушенного дока, медленно вращаясь, начали сваливаться в гравитационный колодец газового гиганта. Ближайший к нам корабль вспыхнул беззвучным взрывом. Что уж там могло так рвануть – это вопрос к кваргам, но зрелище вышло завораживающим. Два оставшихся недостроенных линкора погибли не так эффектно, но столь же неотвратимо.

Мне не требовалось отдавать никаких команд. По плану операции после вывода торпед на рубеж автономной атаки пилоты командирских машин должны были немедленно возвращаться на транспорты, что, как мы видели, они и исполняли.

Кварги пришли в замешательство. Кто-то из больших командиров противника, видимо, потерял самообладание и некоторое время не мог адекватно руководить подчиненными. Во всяком случае, перемещения кораблей врага носили бессистемный характер, по крайней мере, на наш взгляд. Но легче от этого не становилось, уж больно много кваргов слетелось на устроенную нами вечеринку.

Мы подобрали вернувшиеся командирские машины и по плану должны были начинать разгон для ухода в прыжок. Задачу мы выполнили, хоть и не без потерь. Вот только включать двигатели транспортов было явным самоубийством. Маскировка от такого действия, конечно, полностью не слетает, но процентов на сорок проседает точно, а пространство вокруг просто кишело вражескими кораблями, которых с каждой минутой становилось все больше.

– Вероятность нашего обнаружения в ближайшие тридцать минут компьютер оценивает в шестьдесят процентов, – вновь обратился ко мне командир

транспорта. – Пора принимать решение, господин командующий.

– Сколько у нас людей на борту всех трех кораблей? – задал я неожиданный для всех вопрос.

– Сорок два человека, – ответил Матвеев с нотками удивления в голосе.

– Командир Юн Гао, – вызвал я нашего разведчика по лазерно-оптическому каналу связи, – сколько в ваш корабль можно поместить людей, если полностью наплевать на все нормы, уставы и инструкции? У меня тут сорок два человека хотят составить компанию вашему экипажу.

– Господин капитан, вы это серьезно?! Вы же сами летали со мной! У нас штатный экипаж пять человек…

– А если иначе эти сорок два человека просто умрут?

– Ну… Тогда что тут думать, давайте ваших пассажиров. Только как?

– Подойдите к нам вплотную и откройте внешний люк малого грузового трюма. У транспортов есть универсальный стыковочный узел. На наше счастье, мы не стали его демонтировать. Остальное дело техники и умений пилотов.

Модернизированный средний разведчик обладал на порядок лучшей маскировкой, чем транспорт, в чем мы с Юном Гао не раз уже убеждались во время предыдущего рейда, поэтому он без особой опаски совершил осторожный маневр и сблизился с тройкой наших кораблей, пристраиваясь к стыковочному узлу ближайшего транспорта. Пилот у Юна Гао дело свое знал, а может, кораблем управлял сейчас и сам Юн, кто знает, но операция стыковки прошла с ювелирной точностью.

– Пилотам командирских машин занять места в истребителях и приготовиться к получению боевой задачи, – объявил я.

– Господин командующий, – обратился ко мне кавторанг Матвеев, – может, моим пилотам тоже приготовиться к взлету?

– Ни в коем случае! Если, конечно, вы не хотите всех нас погубить. Ваши машины с такого расстояния будут для противника новогодними елками с гирляндами и шариками. Шансы есть только у командирских машин, так что готовьте ваших людей к срочной эвакуации. Экипажам транспортов покинуть корабли и приготовить их к самоуничтожению.

– К взлету готовы, – доложил командир наших пилотов.

– Истребителям имитировать атаку в направлении шестой планеты с задачей отвлечь силы противника от наших кораблей, – распорядился я. – В ближний бой не вступать, но противника держать как можно дальше отсюда. Вам необходимо продержаться двадцать минут. Дальнейшие распоряжения получите уже с борта среднего разведчика. Задача ясна?

– Так точно!

– Выполняйте!

В местном языке я и раньше встречал выражение «набить как сельдей в бочку», но до текущего момента как-то не уделял ему особого внимания. И, как оказалось, зря. В течение следующих пятнадцати минут мне пришлось на собственной шкуре почувствовать всю глубину и лексическую точность этой идиомы. Бочка оказалось откровенно тесновата.

Три одновременных вспышки за кормой корабля Юна Гао ознаменовали окончание активной фазы нашей операции и начало мучительного возращения домой. Особенно печально нам стало, когда в и так уже до предела переполненный корабль набились еще и восемь пилотов уцелевших командирских машин, догнавших нас через сорок минут. Кстати, их переход в корабль стал отдельной головной болью, ведь никаких штатных средств стыковки у истребителей не имелось, но мы как-то справились. Командирские машины пришлось тоже уничтожить, как и транспорты. Доставить их в подконтрольный людям космос не имелось ни малейшей возможности.

Когда через неделю мы вышли в точку встречи с эсминцами адмирала Нельсона, половина пассажиров нашего корабля находилась в бессознательном состоянии. Система жизнеобеспечения, рассчитанная максимум на десять человек, никак не могла обеспечить существование в пять раз большего количества людей в

течение длительного времени.

Но, как оказалось, мы еще легко отделались.

В точку встречи вышли пять разведчиков и всего два транспорта, те, что атаковали системы с одиночными доками. Из остальных групп помимо разведчиков, не принимавших прямого участия в бою, уцелело только несколько пилотов командирских машин, показавших себя очень живучими в боевых условиях за счет высокой скорости, неплохой маневренности и превосходных систем РЭБ, позволявших им уклоняться от ракет и обманывать вражеские сканеры. Мы потеряли восемьдесят процентов кораблей и половину людей, принявших участие в рейде, но восемь из десяти почти достроенных линкоров класса Титан перестали существовать. Две верфи кварги, к сожалению, смогли отстоять.

На пути домой меня не оставляла гнусная мыслишка, что еще несколько доков со строящимися гигантскими линкорами мы наверняка найти в первом рейде не сумели. Вот только сколько?

Ответ на этот вопрос я узнал гораздо быстрее, чем мне бы хотелось.

* * *

– Господин, президент, разрешите?

– Что-то новое, Игнат?

– Вы поручили мне собрать информацию по подготовке последнего рейда капитана Лаврова. Необходимое расследование проведено, я готов доложить результаты.

– Присаживайся, Игнат, рассказывай.

– Министр обороны имеет к этой операции лишь косвенное отношение. Он узнал о ней за двое суток до ее начала. Формально приказ о проведении боевых испытаний исходил от него, но разведка целей, разработка нового типа торпед, модернизация войсковых транспортов под роль носителей, организация

предварительных испытаний нового оружия, а потом и его серийное производство полностью организовал капитан Лавров при содействии министра военной промышленности Зверева и адмирала флота Нельсона.

– Ну, с Нельсоном все ясно, их с Лавровым многое связывает. Но Зверев! Почему он согласился помочь капитану?

– Это осталось неясным. У них состоялась личная встреча, подробности которой нам неизвестны, но после этого разговора Лаврову были выделены судостроительные мощности для переделки десяти средних войсковых транспортов в носители торпедного оружия.

– На какие средства департамент Лаврова смог построить промышленную партию своих торпед?

– У Федеральной Корпорации Перспективных Вооружений были деньги от продажи флоту линкора «Титан». «Глобал Випон Индастриз» и Русский Оружейный Концерн заключили с ней договоры на поставку торпед. Конкурс не проводился, Лавров заключил договоры в нарушение стандартной процедуры, но после проверки цен выяснилось, что оружейные компании поставили ему торпеды и командирские машины практически по себестоимости.

– Ну, ГВИ меня этим не удивила, – усмехнулся президент, – после того прокола с наездом на Лаврова они стремятся любыми способами наладить отношения с новым главой комиссии минобороны. А вот от РОКа не ожидал…

– Это еще не все, господин президент. Денег все равно не хватило, и тогда капитан Лавров доплатил недостающую сумму из личных средств.

– Но почему он не обратился за финансированием в министерство, ведь регламент это позволяет?

– Время, господин президент. Лавров очень спешил, и, как показала практика, спешил не зря, а получение денег из бюджета министерства обороны – дело не быстрое.

– И сколько своих средств он вложил в эту операцию?

– Один миллиард триста миллионов рублей – почти все, что у него было.

– Не бедные в нашей армии капитаны, однако, – усмехнулся Тобольский. – Игнат, я правильно понимаю, что капитан Лавров превысил свои полномочия и просто замаскировал полноценную флотскую операцию под боевые испытания нового оружия, сумев осуществить часть плана, который он продвигал на совещании высшего комсостава?

– Фактически так, но формально Лавров почти ничего не нарушил. Боевые испытания торпед проведены по приказу министра обороны. Содействие со стороны Пятого ударного флота тоже обставлено грамотно и обложено нужными документами. К министру военной промышленности капитан обратился с официальной просьбой как глава комиссии минобороны. Это несколько необычно, поскольку сделано напрямую, минуя непосредственное начальство, но существенным такое нарушение не назовешь, это не более чем нарушение субординации. Заключение договоров без конкурса? Ну да, это нарушение, но проверка злоупотреблений не выявила, а значит, максимальное взыскание – это просто постановка на вид недопустимости подобных действий в дальнейшем. Ну и результат операции явно не предполагает…

– Результат я помню, отчеты смотрел более чем внимательно. Капитан-десантник с минимальными людскими потерями разменял восемь транспортных кораблей и три десятка истребителей на восемь почти достроенных линкоров класса Титан, и это при том, что нашим адмиралам не удалось уничтожить даже один такой корабль ценой потери всего Четвертого флота. Нет, Игнат, я не собираюсь наказывать Лаврова за эту самодеятельность, я просто думаю, что нам с ним делать дальше. Он не вписывается в истеблишмент Федерации, его методы необычны, а стремление к цели граничит с фанатизмом. Вот только цель его не деньги, не карьера, не власть даже, а наша победа, и чем дольше я смотрю на его поступки, тем сильнее мне кажется, что он единственный человек во всей Федерации, кто знает к ней верную дорогу.

* * *

Вызов к начальству не заставил себя ждать. Бронштейн выдернул меня к себе сразу, как только я появился в здании министерства. Выслушав мой доклад, но указал мне на кресло за столом для совещаний.

– Поздравляю, капитан, вы справились, – одобрительно произнес адмирал. – Признаться, я опасался, что у вас ничего не выйдет, однако вы вернулись – и, как и обещали, вместе с моей головной болью.

– Я опять что-то сделал не так, господин министр? – изобразил я удивление.

– Ну, сказать, что уничтожить восемь из десяти целей теми средствами, что имелись в вашем распоряжении, это «не так», мне наглости, наверное, не хватит, – усмехнулся Бронштейн. – Но вот последствия этого вашего рейда меня затронули самым непосредственным образом. Ознакомьтесь, капитан, вас это тоже касается, – мой планшет издал вибрационный сигнал, приняв файл.

Сброшенный мне Бронштейном документ оказался копией указа президента Тобольского, и касался он структурной реорганизации в министерстве обороны. С сегодняшнего дня комиссия по новой технике и вооружениям прекращала свое существование и выделялась в отдельный департамент с аналогичным названием, все еще формально входящий в минобороны, но действующий фактически автономно. Например, бюджет у нового подразделения формировался обособленно, а его размер устанавливался лично президентом. Боевые испытания нового оружия глава департамента, то есть я, капитан Лавров, все еще должен был согласовывать с министром обороны, что логично, но вот отношения с другими министерствами и ведомствами я теперь мог совершенно официально строить напрямую, не оглядываясь на Бронштейна, а эти самые министерства и ведомства президент обязал выполнять мои заявки как приоритетные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/glebov_maks/rubezh-ataki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить